

ISSN 0131-2227

Номер 1

Январь 2009

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

<http://www.naukaran.ru>
<http://www.maik.ru>

Восточноазиатская “многополярность”: треугольник Россия–Китай–США • Россия в международном движении капитала • Научные школы: интеллектуальная капитализация или стагнация? • “Мозговые центры” в России и странах Запада

“НАУКА”

“МОЗГОВЫЕ ЦЕНТРЫ” В РОССИИ И СТРАНАХ ЗАПАДА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ¹

© 2009 г. Н. Беляева, Д. Зайцев

Аналитические центры (АЦ)² являются влиятельными политическими акторами современного демократического политического процесса, неотъемлемой частью “третьего сектора” наряду с такими институтами гражданского общества как общественные организации и движения, группы давления бизнеса, профсоюзы и т. п.

Тем не менее реальный статус данных структур существенно различается в России и на Западе. Мозговые или аналитические центры как институт современной политической системы появились в США в начале прошлого столетия. Однако, если в начале XX в. функция американских мозговых центров сводилась скорее к обслуживанию органов государственной власти, то после Второй мировой войны, с созданием и развитием Корпорации “РЭНД” и других подобных ей организаций, об аналитических центрах США стали говорить как о “четвертой ветви” власти.

Вот как описывал американские аналитические центры один из первых исследователей этих структур П. Диксон еще в 1970 г.: «...Могущество этих центров закономерно возрастает – могущество, которому редко бросают вызов или хотя бы ставят его под вопрос... Они (“независимые аналитические центры”. – Прим. авт.) дают рекоменда-

БЕЛЯЕВА Нина Юрьевна, заведующая кафедрой ГУ–ВШЭ, профессор.

ЗАЙЦЕВ Дмитрий Геннадьевич, аспирант ГУ–ВШЭ.

¹ В настоящий статье представлены результаты исследования “Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: case-study”, проведенного Кафедрой публичной политики ГУ–ВШЭ в рамках проекта, поддержанного Инновационной образовательной программой ГУ–ВШЭ. В ходе исследования были изучены 62 аналитических центра разных стран: 30 российских центров, 16 североамериканских, восемь западноевропейских, два – стран Восточной Европы и шесть азиатских центров (причем каждому российскому центру был подобран зарубежный аналог для сравнения).

² Термин “think-tanks” в политологическом дискурсе переводится по-разному: “резервуары мысли”; “фабрики мысли” или “мозговые тресты”; “информационно-аналитические центры” или просто “аналитические центры”; “независимые аналитические центры”; “мозговые центры”. Здесь и далее в качестве перевода будут использоваться понятия: “аналитические центры” и “мозговые центры”. См.: *Bernardo M. Villegas. A Think Tank in Democratic Society. Economic Reform Today. Ideas into Action: Think Tanks and Democracy. 1996. № 3* (<http://www.cipe.org/publications/fs/ert/e21/vilE21.htm>).

ции в таких различных областях, как транспорт, природные ресурсы, оборона и внутренние программы социального обеспечения. Они распространяют свою деятельность также на политику и принятие решений правительством США. Во все большей и большей степени они проводят анализы и составляют планы для промышленности, муниципалитетов, органов власти штатов и иностранных государств. Фактически вряд ли найдется страна в так называемом свободном мире, которая за последний период своей истории не обращалась к услугам хотя бы одной американской “фабрики мысли”, выполняющей самые различные функции, начиная с предоставления консультаций по общим вопросам до разработки какого-либо конкретного проекта»³.

Новой вехой в развитии аналитических центров в США явилось возникновение “центров влияния” (*advocacy tanks*), которые помимо исследовательских программ напрямую ставили задачи влияния на политический процесс. Например, Фонд “Наследие” в 1980 г. разработал масштабный 20-томный план действий под названием “Мандат на лидерство”, который лег в основу стратегии администрации президента Рональда Рейгана. Таким образом, Фонд “Наследие” может быть назван одним из “творцов” неконсервативной революции.

Можно привести и другие конкретные примеры, показывающие влияние американских мозговых центров на политический процесс в США. Однако вековая история развития данных структур в США, конкурентный характер политического процесса, наконец, тот факт, что высокопоставленные должностные лица идут на работу в мозговые центры, говорят в пользу того, что американские АЦ являются самостоятельными и влиятельными субъектами политики.

В сравнительной перспективе российские аналитические центры заведомо проигрывают западным “коллегам” в силу, прежде всего, особенностей политического процесса в России.

³ Диксон П. Фабрики мысли. М., 2004. С. 71–74.

Однако имеются существенные основания для того, чтобы сравнивать американские АЦ именем с “фабриками мысли” в России.

Аналитические центры как автономные экспертные структуры возникли в России практически одновременно со становлением американских “фабрик мысли” как самостоятельных субъектов политики. Например, созданные в 50–60-е годы XX в. академические исследовательские институты – такие как Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС), Институт США и Канады (ИСКАН) и др., – хотя и финансировались из государственного бюджета, были более или менее независимы в конкретных формулировках своих исследовательских задач. При этом неявным образом эти институты стали определять генеральную линию партии: часто институты получали задания разработать те или иные проблемы, дать рекомендации прямо от ЦК КПСС или косвенно через президиум Академии наук, они также соревновались между собой, поставляя свои аналитические работы и рекомендации в ЦК. Аналитическое обеспечение курса на “разрядку” дали именно советские АЦ, изменение отношения к социал-демократии, феномен НТР сконструировали советские академические АЦ.

В то время, как в странах Западной Европы в основном представлены аналитические центры определенного типа: университетские (академические) – во Франции, идеологические (партийные) – в Германии, коммерческие (частные) – в Великобритании, в России к середине 90-х годов сложилась развитая “система мозговых центров” самых разных типов: академические (университетские) и исследовательские; коммерческие и государственные; идеологические и гражданские. Кроме того, получил развитие и такой феномен, как “центры публичной политики”, характерный для США и стран Восточной Европы⁴.

Кроме того, в РФ имеются определенные перспективы развития независимой экспертизы и аналитики, в том числе в форме аналитических центров. Во-первых, потому что Россия – единственная страна бывшего советского блока, которая самостоятельно осуществляет “двойной переход” к демократической политической системе и рыночной экономике. В силу этого перед государством стоят беспрецедентно масштабные цели и задачи по реформированию страны. Это требует качественной объективной экспертизы и анализа преобразований. Во-вторых, новые возможности

открылись в связи со сменой главы государства и объявленным государственным курсом на инновации.

Основным результатом сравнительного анализа российских и западных центров может стать пристальное рассмотрение их слабых и сильных сторон; возможностей их превращения в реальных субъектов политики; выработка рекомендаций конкретным центрам по достижению этой цели.

Таким образом, актуальными становятся следующие вопросы. Каков реальный политический статус российских АЦ? Каковы возможности и ограничения для повышения политического веса отечественных мозговых центров? Каковы перспективы развития российских центров?

Прежде чем переходить непосредственно к содержательным выводам, необходимо сделать несколько замечаний методологического характера.

Во-первых, авторы настоящей статьи исходят из предположения, что статус АЦ зависит от “объема” ресурсов (или капиталов), которыми обладает тот или иной центр. На основе анализа “объемов” капиталов, которыми располагают аналитические центры, и стратегий, которые они используют для “накопления” этих капиталов, можно дать оценку реальному политическому статусу АЦ.

Во-вторых, как уже упоминалось выше, феномен аналитических центров также получил распространение и в странах Западной Европы. В настоящей статье мы будем сравнивать российские центры с аналогичными организациями “развитых” стран Запада (Северной Америки и Западной Европы), так как именно в этих странах мозговые центры располагают реальным политическим весом и статусом.

В-третьих, основные выводы, сделанные на основе сравнительного анализа российских и западных мозговых центров, носят обобщенный характер и обозначают доминирующие тенденции в становлении, развитии и существовании АЦ в России и за рубежом.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ЦЕНТРОВ

В России, также как и в странах Запада, на первом этапе развития аналитических центров преобладали внешние причины их возникновения: революции, мировые войны начала ХХ в.

Геополитическая конкуренция и противостояние с США, необходимость “догнать и перегнать” развитые страны, соответствовать темпам перемен в мире (прежде всего в научно-техническом плане) – вот основные причины, которые вызвали к жизни со-

⁴ См.: Сравнительный анализ российских и зарубежных аналитических центров: *case study*. Учебное пособие. Под редакцией Н.Ю. Беляевой, Д.Г. Зайцева. М., 2007. С. 10.

ветские академические центры в 50–60-е годы минувшего столетия (ИМЭМО, ИСКАН, ИЭМСС).

В ходе дальнейшей эволюции аналитических центров в развитых странах Запада стали преобладать внутренние проблемы, поднятые “молодежной революцией” (ростом гражданской активности в 60–70-е годы XX в.) и последовавшей в 80–90-е годы неоконсервативной революцией. Децентрализация политического процесса, закрепление в нем более широкого круга участников (общественных движений, групп по интересам, групп давления бизнеса и пр.) способствовали становлению и развитию аналитических центров нового типа (центров влияния, основой деятельности которых стала “защита общественных интересов” – *advocacy*), а также изменили статус “старых” АЦ в сторону повышения их автономии.

В странах Восточной Европы переход к рыночной и демократической политической системе создал спрос на аналитические центры, которые были бы способны на масштабное видение проблем демократического транзита. Россия не стала исключением.

В конце 80-х – начале 90-х годов образовываются “новые аналитические структуры”⁵, представляющие основные типы аналитических центров. Институты политических исследований возникают на базе “старых” советских академических институтов (например, на основе ряда отделов Института географии в 1992 г. образовалась одна из наиболее известных групп политических географов – Группа “Меркатор”; при Институте востоковедения в том же году начала работать научно-издательская аналитическая фирма “Ист-Консалт”), а также в качестве “отделений” зарубежных (часто, американских) аналитических центров (так, в 1993 г. возникает Московский Центр Карнеги, в 1995 г. – Институт экономики города). Роль “представительств” зарубежных АЦ в России многие аналитики сводят к функции “агентов западной демократии”. О степени автономии данных центров (зависимости от “головных” зарубежных организаций) можно спорить. Тем не менее, не вызывает сомнения, что эти центры в России предлагают и продвигают определенные западные схемы “строительства демократии” и демократической политической системы.

В этот же исторический период возникали “новые” государственные и коммерческие аналитические центры, ориентированные на “новые элиты” и структуры бизнеса. В качестве примеров можно назвать: Центр политических технологий (ЦПТ),

Фонд общественного мнения (ФОМ) – коммерческие структуры; Рабочий центр экономических реформ при Правительстве Российской Федерации, Институт экономического анализа – государственные структуры.

Определенную роль в развитии “новых аналитических центров” сыграл также рост активности гражданского общества в конце 80-х годов, который был связан, в основном, с движением “неформалов” и кооперативным движением. Однако, в отличие от США, в РФ общественные движения не привели к столь массовому возникновению центров влияния “в общественных интересах”. Этого нельзя сказать о центрах публичной политики, которые были образованы в это время и до сих пор сохраняют статус субъектов интеллектуального обеспечения политики (например, Центр “Стратегия”, Фонд “Интерлигл” и др.).

Тот факт, что на волне роста гражданской активности в новой России не возникло поколения центров влияния “в общественных интересах”, во многом объясняется слабостью российских институтов гражданского общества и недостатком ресурсов (прежде всего, материальных) для развития аналитических центров данного подтипа.

Однако обратной стороной слабости институтов гражданского общества и государства в новых демократических условиях стало повышение в странах Восточной Европы роли аналитических центров как субъектов демократизации, способных на комплексное видение проблем переходного периода. Недостаток компетентности “новых” субъектов политического процесса (институтов гражданского общества) и “молодых” сменяемых выборных элит компенсировали независимые аналитические центры.

Но в дальнейшем, с возрастанием политического веса “новой элиты”, усилившим государственных институтов, централизацией политической системы вокруг государства многие независимые АЦ оказались не у дел. Процессы концентрации власти неизбежно ведут к монополизации рынка политической аналитики и экспертизы группой аналитических центров, приближенных к ключевым политическим субъектам.

Тем не менее сегодня как внутренние вызовы, стоящие перед страной (необходимость в дальнейшей модернизации, масштабных реформах социально-политической и экономической системы и т. п.), так и внешние угрозы и риски (связанные с международным терроризмом, с процессами глобализации и т. п.) требуют качественной независимой политической экспертизы и анализа для выработки адекватных “ответов” в виде соответствующей внутренней и внешней политики государства.

⁵ См.: Antonenko O. New Russian Analytical Centers and Their Role in Political Decisionmaking. Cambridge (Massachusetts), 1996.

КАДРОВЫЙ РЕСУРС

О востребованности экспертизы и аналитики мозговых центров в современном политико-управленческом процессе говорит хотя бы тот факт, что представителей аналитических центров часто принимают на работу в органы государственной власти и корпорации бизнеса. Кроме того, имеет место и обратный процесс: переход высокопоставленных должностных лиц из политики и бизнеса на руководящие посты АЦ. В политологической литературе этот феномен называется “система вращающихся дверей”⁶, что характерно для аналитических центров как стран Запада, так и России.

Однако в России явление перехода на работу из бизнеса и политики в мозговые центры не так распространено, как в развитых странах Запада (особенно в США). Во многом потому, что в России вознаграждение за службу в государственных либо корпоративных структурах намного превышает зарплату сотрудника аналитического центра. Однако для некоторых высокопоставленных должностных лиц АЦ становятся “местом почетной отставки”: часто под таких политиков специально создается новый АЦ. В качестве примеров таких VIP-центров можно назвать Центр “Стратегия” (Фонд Бурбулиса), Фонд Горбачева и др.

На Западе высокопоставленные должностные лица приходят в аналитические центры не за “местом почетной отставки”, а на взаимовыгодных условиях: АЦ пополняет свой ресурсный “портфель” новыми связями, повышает репутацию в высших кругах; пришедший на работу политик минимизирует потери в связи со сменой статуса (получает новый статус – например, президента старейшего аналитического центра). Так, Строб Тэлботт, бывший заместителем государственного секретаря США в администрации Клинтона, стал президентом Института Брукингс.

Напротив, обратное направление мобильности кадрового ресурса аналитических центров в России достаточно распространено: руководители и ведущие сотрудники АЦ часто становятся высокопоставленными чиновниками либо менеджерами крупных организаций бизнеса. Например, многие сотрудники Фонда эффективной политики в разное время рекрутировались и в настоящее время работают в Администрации Президента РФ.

Говоря далее об источниках пополнения кадрового ресурса АЦ, необходимо отметить, что “систему вращающихся дверей” можно понимать более широко: учитывать, что обмен кадрами мо-

жет также происходить между аналитическими центрами и академическими структурами (Академией наук, университетами); АЦ и другими подобными организациями (центрами публичной политики, PR-агентствами, консалтинговыми фирмами и т.п.).

Кадровый состав новых АЦ России в большей степени определило то, что многие центры и их сотрудники вышли из советских академических структур и сохранили связи с академическим (ученым) сообществом.

В России следует также констатировать более ярко выраженную кадровую мобильность внутри экспертного сообщества в целом (профессионалов в области общественных наук и прикладных социальных технологий). Это связано с относительной молодостью экспертного сообщества в России по сравнению с западным. Следовательно, меньше его масштабы и менее выражена внутренняя специализация (маркетологи, “пиарщики”, консультанты, аналитики и т. п.), чем на Западе. Поэтому в России больше возможностей для обмена кадрами между аналитическими центрами, с одной стороны, и PR-агентствами, консалтинговыми фирмами и другими подобными организациями, с другой, а также личностного и неформального взаимодействия между ними.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ РЕСУРСЫ

В отличие от аналитических центров на Западе, по количеству сотрудников в России преобладают небольшие АЦ (от 10 до нескольких десятков человек). Таких “гигантов” как Корпорация “РЭНД” (более тысячи сотрудников) в России пока нет.

Для управления этими центрами разветвленная структура, как правило, не нужна. Поэтому преобладает “офицерская” система управления: глава центра, несколько руководителей и ведущих сотрудников, рядовые исполнители (чаще нештатные сотрудники центра). Существующая организационная структура, как правило, носит nominalnyy character.

В управлении российскими АЦ велик личностный фактор: руководитель часто является и его учредителем, и его представителем во внешней среде (“лицом” центра). Кроме того, “ресурс связей” (социальный ресурс) аналитического центра часто не отделен от его руководителя.

В АЦ, где личностный фактор особенно силен, руководитель полностью отождествлен со своим институтом. Такие аналитические центры авторы настоящей статьи назвали “центрами одного человека”. В структурах подобного рода руководитель является и ведущим сотрудником, и главным исполнителем, а остальные сотрудники – помощни-

⁶ См.: Haass R.H. “Мозговые центры” и американская внешняя политика (<http://usinfo.state.gov/journals/ips/1102/jpr/pj73haass.htm>).

ки и секретари руководителя. Примерами таких мозговых центров могут служить Фонд "Политика" В. Никонова или Институт политических исследований С. Маркова.

Однако среди российских АЦ можно встретить также довольно масштабные по количеству сотрудников и степени разветвленности организационной структуры мозговые центры, в которых работают несколько сотен человек в нескольких отделах (департаментах). Такие центры часто функционируют по принципу конвейера: производят много стандартных продуктов (исследований и разработок) за короткий период времени одновременно многим заказчикам. (Например, социологический центр Фонд "Общественное мнение").

В процессе своего исторического развития объем организационных ресурсов АЦ может меняться: уменьшаться или увеличиваться. Поэтому аналитический центр может стать "центром одного человека" (подобные тенденции можно наблюдать у нескольких российских АЦ – Фонда эффективной политики, Фонда "ИНДЕМ" и др.). И, наоборот, "центр одного человека" может вырасти до полноценного аналитического центра с развитой организационной структурой (такая ситуация чисто теоретически возможна, но подобрать пример для иллюстрации данной метаморфозы затруднительно).

НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И ИСТОЧНИКИ ФИНАНСИРОВАНИЯ

Аналитические центры стран Запада более активно, чем российские, используют стратегии диверсификации и специализации своих направлений деятельности и источников финансирования. Типичный АЦ на Западе проводит исследования по достаточно широкому кругу вопросов (от проблем национальной безопасности до изучения состояния автомобильных дорог). При этом для решения поставленных исследовательских задач привлекаются достаточно разнообразные источники финансирования (от специальных фондов до частных пожертвований). Обычно западный аналитический центр специализируется на каком-то одном узком направлении исследований и разработок (например, налоговая политика, межрасовые отношения и т.д.).

Для российских АЦ в целом не характерна столь масштабная диверсификация и специализация исследовательской базы и источников финансирования. Это связано с несколькими причинами.

Во-первых, российские аналитические центры сохраняют более тесные связи с "альма-матер" (традиционными научно-исследовательскими организациями), поэтому в своей деятельности

ограничены методологически и инструментально одной–двумя отраслями знаний (политология, социология, экономика, психология и т. д.). То есть для многих российских АЦ не характерна междисциплинарность производимых исследований и разработок.

Во-вторых, отсутствует спрос на разнообразные услуги. Основными клиентами российских аналитических центров являются государственные и бизнес-структуры. Поэтому исследования и разработки российских АЦ в основном направлены на сопровождение уже принятых решений в области государственного и бизнес-управления. Возможностей для проведения "альтернативных" исследований и разработок у российских АЦ немного (в том числе из-за неразвитости институтов гражданского общества, которые могли бы создать спрос на исследования такого рода). Тем более не хватает ресурсов для проведения автономной от клиентов (государства и бизнеса) политики (экспертного влияния на политический процесс). Во многом поэтому у российских аналитических центров совершенно не развиты направления деятельности, характерные для западных "центров влияния": политическое обучение и воспитание граждан, материальная поддержка каких-либо групп граждан и т.п.

В-третьих, особенностями политико-управленческого процесса в России является централизованный и закрытый характер принятия решений, концентрация и монополизация ресурсов и капиталов в руках ограниченного круга доминирующих лиц (акторов)⁷. По этой причине среднему аналитическому центру довольно трудно диверсифицировать свои источники финансирования. Чтобы иметь постоянный доход, российские АЦ часто вынуждены встраиваться в централизованную, закрытую систему своего "патрона". Попытка диверсифицировать источники финансирования зачастую рассматривается "патроном" как "измена" и ведет к потере постоянного источника средств. Поэтому российские центры часто имеют единственный источник финансирования, что приводит к их зависимости и сужает свободу их действий.

Тем не менее среди российских АЦ можно назвать немало примеров, которые в своей деятельности используют стратегию диверсификации и

⁷ Так, например, на Западе достаточно распространенным источником финансирования деятельности аналитических центров являются специальные фонды ("эндаументы"). В России не развит такой способ финансирования как специальные фонды, поскольку существует мало "богатых" автономных от государства акторов (бизнесменов, грантодателей и т.п.), а разнообразные ресурсы (прежде всего, политические, экономические и организационные) сконцентрированы в руках государства.

специализации. Это Центр политических технологий и Фонд “ИНДЕМ”.

По результатам исследования можно сделать вывод о том, что “типичный” западный аналитический центр обладает в целом большим объемом материальных ресурсов, чем его российский аналог.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ РЕСУРСЫ

Интеллектуальным ресурсом аналитического центра является, прежде всего, вырабатываемый им аналитический продукт (книги и научные статьи, аналитические отчеты и доклады; информационные справки и материалы по конкретным направлениям политики, пресс-релизы). Каких-либо страновых различий здесь выявить не удалось, чего нельзя сказать о способах продвижения аналитическими центрами своих исследований и разработок (“социальному ресурсе” мозговых центров или “ресурсах связи”).

Западные аналитические центры более активно, чем российские, участвуют в работе структур правительства и парламента (комитетах и комиссиях, рабочих группах и т. п.) и в парламентских слушаниях. Центры влияния на Западе более активно организуют специальные акции и события, где занимаются “пиаром” своих аналитических продуктов. Политическая элита больше следит за разработками АЦ и применяет их результаты на практике. В целом можно констатировать, что в развитых странах Запада существует некоторый тандем независимых аналитических центров и элиты (политической и экономической).

В России, напротив, пока не сложилось конструктивного взаимодействия между экспертным сообществом и элитой, отсутствует доверие между ними. Причина этого кроется в недостаточной распространенности стратегий диверсификации и специализации направлений исследований и источников финансирования среди российских АЦ.

Во-первых, аналитический продукт среднего российского мозгового центра сравнительно менее технологичен, в меньшей степени нацелен на прикладные задачи, стоящие перед “клиентом”. Здесь сказывается “генетическая связь” новых российских центров с академическими институтами (история автономного от академических институтов функционирования “новых аналитических структур” не столь долгая, как на Западе). Отсюда проистекает привычка производить “многотомные” аналитические продукты-тексты, малопригодные для лиц, принимающих решения.

Во-вторых, потенциальные “клиенты”, столкнувшиеся с необходимостью интеллектуального

обеспечения своих решений, трудно идут на контакт с автономными аналитическими центрами в силу уже упоминавшихся выше особенностей политico-управленческого процесса в России. Они заказывают исследования скорее по велению моды или для “освоения средств”, чем для обеспечения процесса принятия решений. Поэтому можно не уделять много внимания качеству аналитического продукта для таких клиентов.

Действительно качественный высокотехнологичный прикладной аналитический продукт российские мозговые центры производят, во-первых, для того небольшого количества субъектов политico-управленческого процесса, которым он необходим, и которые на его основе принимают важные, сложные и масштабные решения; во-вторых, “для себя” – для поддержания необходимого уровня собственной квалификации и компетенции. Однако во втором случае у аналитического центра часто не хватает ресурсов для его продвижения. Хотя в принципе такой продукт мог бы быть вос требован негосударственными субъектами политики (институтами гражданского общества).

“СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ”

“Символический капитал” (ресурс) АЦ можно определить как способность центра выступать в роли независимой (автономной) открытой (публичной) организации, обладающей квазинаучными экспертными представлениями о социально-политическом мире⁸.

“Символический капитал” аналитического центра во многом является производным от других видов ресурсов. С одной стороны, от *интеллектуального ресурса*, то есть направлений исследований, на которых специализируется АЦ, и аналитических продуктов, производящихся в рамках этих направлений. С другой – от *материального ресурса*, то есть источников финансирования АЦ. Так как объем интеллектуальных и материальных ресурсов аналитического центра во многом зависит от выбранной им стратегии, то и “символический капитал” связан со стратегией.

Большие объемы “символического ресурса” позволяют аналитическим центрам оказывать значительное “символическое” влияние на политику. А именно – навязывать свои политические представления (например, видение государственной политики в какой-либо области) другим субъектам политики, конструировать политическую реальность посредством “символических” высказываний и утверждений о ней, и в результате из-

⁸ См.: Бурдье П. Социология социального пространства. М., СПб., 2007.

менять представления других политических акторов, а значит и саму политическую реальность.

“Символическое влияние” АЦ проявляется в их способности высказываться от имени социальной группы либо “трансцендентного авторитета”. Этот феномен характерен для любого политического субъекта (не только АЦ), в литературе его называют “эффектом оракула”⁹. То есть аналитический центр, обладающий значительным объемом “символического капитала”, имеет возможность воздействовать на политику, высказываясь по политическим проблемам:

- во-первых, от имени экспертного сообщества в целом, науки, интеллигенции и т. п. (как автономная экспертная организация, основанная на приоритете научного знания);
- во-вторых, от имени какой-либо социальной группы, граждан и гражданского общества в целом (как открытая, публичная, “общегражанская” организация).

Так как “символический капитал” – это некий “интегрированный показатель” уже рассмотренных выше видов ресурсов, можно сделать некоторые выводы. Западные АЦ в целом обладают большим объемом “символического капитала”, поэтому в большей степени пользуются “символическим влиянием”, в том числе через эффект политического делегирования (“эффект оракула”). Российские АЦ имеют меньше возможностей, чем их западные коллеги, преобразовывать свою способность высказываться “от имени и в интересах” гражданского общества в “символическое влияние”, в силу неразвитости последнего.

ПРЕДЕЛЫ АВТОНОМИИ И ОТКРЫТОСТИ

Из вышесказанного ясно, что статус автономной и открытой (публичной) организации позволяет аналитическим центрам оказывать влияние на политico-управленческий процесс. Однако им не всегда удается поддерживать такой статус в силу ряда ограничений, которые можно назвать “пределами автономии и открытости” АЦ.

Говоря о пределах автономии аналитических центров, можно выделить внутренние ограничения, связанные с недостатком у центра ресурсов, и ограничения, накладываемые внешней средой (особенностями политической системы).

Так, АЦ может иметь латентные политические, идеологические или методологические ориентации. Поддерживаемая им ориентация может накладывать ограничения на доступность, объем и накопление ресурсов и капиталов центра. Например, говоря о политической направленности

исследований аналитических центров стран Запада, многие эксперты отмечают некоторый перекос в доступности ресурсов для центров разной идеологической ориентации. АЦ консервативной ориентации в большей степени, чем “левые” АЦ, получают поддержку от корпораций и крупных бизнесменов (в виде “эндаументов”, частных и корпоративных пожертвований, заказов на исследования) – как материальную, так и политическую (используя связи своих “патронов”). “Левые” же взгляды преобладают в академических центрах, живущих в основном за счет головной организации (как правило, университета).

В странах Восточной Европы, в частности и в России, преобладают аналитические центры либерально-демократической направленности. Это во многом связано с обозначенной выше ролью АЦ в переходных странах, спросом на компетентного и постоянного (несменяемого) субъекта демократизации. Однако условно после 2000 г. возник спрос на аналитические центры “прогосударственной” ориентации. В связи с возрастающей централизацией политической системы именно эти АЦ получили больше возможностей для накопления ресурсов (в отличие от центров либерально-демократической направленности). Последние были вынуждены искать ресурсы в негосударственных сферах (бизнес) или жить за счет иностранных грантов.

Среди внутренних ограничений развития АЦ как автономных и публичных организаций – преобладание одного источника финансирования, “доминирующего” клиента, заказчика исследований. Опыт, в том числе и российских АЦ, показывает, что многообразие источников финансирования обеспечивает автономию центра и способствует накоплению дополнительных ресурсов, которые могут быть использованы для повышения его “статуса”. Решение проблемы по расширению и диверсификации финансовой базы российских центров позволит им быть более свободными в выборе направлений исследований и продвижении их результатов. Для привлечения средств из разных источников ведущие аналитические центры стран Запада используют стратегию диверсификации направлений исследований и разработок.

Автономию АЦ ограничивает также некачественная аналитика, которую они производят. Во многом отсутствие спроса на аналитику диктуется неадекватностью предлагаемого ими “товара”. Управленцу (государственному либо коммерческому) необходим продукт, отвечающий таким качествам как “технологичность”, “полезность” и т. п. Он должен быть небольшим по объему, содержать конкретные предложения и/или рекомендации в соответствии с поставленной задачей.

⁹ См.: Там же. С. 167.

Поэтому российским аналитическим центрам необходимо внедрять новые формы аналитического продукта в "интеллектуальное производство".

Кроме того, аналитические центры в России продолжают пользоваться традиционными способами и каналами продвижения своих аналитических продуктов (личные контакты, конференции, семинары и т. п.). Современные способы (например, новые технологии, Интернет) и особенно механизмы "агрессивного маркетинга" (различного рода акции, распространение листовок и т. п.) в России практически не используются.

Однако главной проблемой развития независимой экспертизы в нашей стране остается сопротивление внешней неконкурентной политической среды. Тем не менее это не значит, что в России невозможно развитие автономной аналитической и экспертной "сети". В РФ есть "статусные" и влиятельные аналитические центры (например, Центр политических технологий, Центр политической конъюнктуры, Центр развития и др.). С развитием публичности (в том числе, в сфере политики) диалог – как между элитой и общественностью, так и между элитами – будет становиться все более эффективным. При этом многое будет зависеть от самих российских АЦ, которые должны объяснить, кто они такие, в чем их миссия, роль и функции, доказать свой профессионализм и важность как субъектов интеллектуального обеспечения политики."

"ПОЛИТИЧЕСКИЙ СТАТУС" РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНЫХ АЦ

Результаты предпринятой выше сравнительной оценки роли и места российских и западных аналитических центров могут быть сформулированы в виде гипотез, которые в ходе дальнейших исследований в данном направлении могут получить подтверждение либо быть опровергнуты.

Гипотеза № 1. Аналитические центры на Западе (особенно в США) обладают большим политическим статусом и оказывают значительное влияние на политико-управленческий процесс.

Российские центры обладают меньшими объемами капиталов (ресурсов), чем их зарубежные "коллеги". В отношении уровня влияния АЦ на политический процесс "образцовым" для российских центров являются американские и немецкие. В США мы можем найти "эталоны" (идеальные типы) аналитических центров.

– Институт Брукингса – "образец" для институтов политических исследований;

– Институт Гувера при Стэнфордском университете – для университетских центров;

– Корпорация "РЭНД" – для центров, работающих на "открытом рынке";

– Институт оборонного анализа – для центров, работающих на государственный заказ;

– Фонд "Наследие" – для идеологических центров.

Немецкие АЦ, связанные с политическими партиями (Фонд Конрада Аденауэра, Фонд Ганса Шиделя, Фонд Розы Люксембург) также показывают пример того, каким должен быть аналитический центр идеологического типа.

Существенно отстают от западных коллег по объемам "ресурсов влияния" идеологические (особенно партийные) и академические российские АЦ. Им особенно не хватает "символического капитала", так как партийные центры в России более зависимы от "патрона", чем их западные коллеги. Академическим центрам недостает социальных "ресурсов связи". Здесь нужно отметить известные особенности аналитического продукта академических центров: он менее технологичен, объемен и т. п. Следовательно, способы его продвижения ограничены. Однако российские академические центры обладают определенным потенциалом роста за счет эксплуатации своего "символического капитала". Они возникли намного раньше контрактных и идеологических центров и, соответственно, могут эксплуатировать эту "историческую легитимность". Более того, АЦ в большей степени могут выступать от имени "настоящей" академической, а не прикладной науки.

Следующая гипотеза во многом является продолжением и развитием предыдущей.

Гипотеза № 2. Отставание в "статусе" российских аналитических центров от большинства западных центров во многом объясняется недостатком ресурсов: организационных, кадровых, материальных, социальных – а также особенностями "внешней среды", в которой приходится функционировать российским аналитическим центрам.

Напомним, что здесь для нас важной (если не главной) особенностью "внешней среды" является неконкурентный характер российского процесса принятия политico-управленческих решений. Во многом поэтому независимая экспертиза мало востребована среди политических акторов и бизнес-структур: аналитические центры не могут стать по-настоящему автономными и независимыми, так как ограничен спрос на независимую аналитику. Большинство политических акторов не являются самостоятельными субъектами политики, не вырабатывают собственной политики, поэтому у них нет потребности в ее интеллектуальном обеспечении.

Гипотеза № 3. Аналитический центр, обладающий значительными "ресурсами влияния", в современной России может возникнуть только при "статусном" политическом субъекте (например, Президенте РФ) или крупной корпорации.

Однако в этом случае аналитический центр за-ведомо лишен (или лишается в случае перехода "под крышу" своего клиента) той автономии, которой обладают АЦ на Западе и должны обладать "мозговые центры" (если их рассматривать как автономные исследовательские организации). Он превращается в лучшем случае в полуавтономную экспертную организацию, а в худшем – в агитационно-пропагандистский отдел государственной или бизнес-корпорации. В России уже сложился "пул" полуавтономных окологосударственных аналитических структур:

- по "политическому обеспечению" государства – Фонд эффективной политики (ФЭП);
- по "экономическому обеспечению" государства – Центр стратегических разработок (ЦСР);
- по "социологическому обеспечению" государства – Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ).

Так как большинство бизнес-корпораций замыкается на государство (точнее, политическую "суперэлиту"), их "экспертным обеспечением" также занимаются окологосударственные центры.

* * *

В заключение сформулируем ряд рекомендаций российским аналитическим центрам, следование которым позволит повысить их "политический статус", несмотря на сопротивление "внешней среды".

Во-первых, российские АЦ могли бы разнообразить свои источники финансирования и/или клиентскую базу.

Во-вторых, привлечь средства из разных источников поможет диверсификация направлений исследований и разработок АЦ. Эту стратегию активно используют ведущие аналитические центры стран Запада.

В-третьих, российским центрам необходимо внедрять новые формы аналитического продукта в интеллектуальное производство: эссе по актуальным вопросам текущей политики (*policy briefs*), справки с конкретными рекомендациями, предложениями и т. п.

В-четвертых, российским АЦ необходимо использовать современные способы продвижения аналитических продуктов (например, новейшие технологии, Интернет) и, особенно, механизмы

"агрессивного маркетинга" (различного рода акции, распространение листовок и т. п.).

Попытаемся спрогнозировать перспективы дальнейшего развития АЦ в России. На наш взгляд, возможны три сценария их дальнейшей эволюции.

Оптимистический сценарий предполагает сохранение за мозговыми центрами ростков автономии и их постепенное превращение в независимые исследовательские структуры в политической системе России. Данный сценарий подразумевает дальнейшую демократизацию политической системы, совершенствование демократических процедур и практик, усиление демократических институтов, расширение публичной сферы в политике.

Пессимистический – исходит из того, что негативные тенденции современного положения аналитических центров будут развиваться. Поэтому он предполагает потерю мозговыми центрами независимости (или ее остатков) вплоть до роли "приводных ремней" государства. Он будет возможен, если тенденции авторитаризма в монополии политической системе "победят" модернизационные.

В основе **реалистичного сценария** – две тенденции современной российской политики: сохранение неконкурентного характера политического процесса, доминирования Кремля в процессе принятия государственных решений и постановка доминирующим политическим субъектом (Кремлем, новым президентом и премьер-министром) новых масштабных целей и задач по модернизации страны. Для аналитических центров (как независимых, так и "полуавтономных") эти тенденции приведут к двум основным результатам.

С одной стороны, полуавтономные "статусные" центры, работающие на доминирующем политическом игрока и связанные с ним "патрон-клиентскими отношениями", останутся востребованными. Они по-прежнему будут сопровождать и/или пропагандировать государственный курс и политические решения доминирующего субъекта, но возможности влияния на этот курс и решения будут по-прежнему минимальными.

С другой стороны, возможно, произойдет повышение роли ряда автономных центров. На это будут играть следующие факторы.

Во-первых, поставленные "суперэлитой" (Медведевым, Путиным и их ближайшим окружением) новые масштабные комплексные задачи (курс на инновации, инвестиции и развитие институтов) потребуют независимой аналитики и автономных институтов, способных на качественную и объективную экспертизу предлагаемого государственного курса, предложение новых идей, формирование альтернативных, более эффективных решений.

Во-вторых, в условиях господства неформальных практик во властных отношениях, слабости государства как политического института, слабости и неразвитости общегражданских структур и, наконец, низкой легитимности крупного бизнеса, экспертивные и академические организации являются чуть ли ни единственным легитимным, профессиональным и сравнительно более формализованным и развитым демократическим институтом. Это позволяет аналитическим центрам выступить в роли

институционализированного субъекта модернизации (демократических и иных преобразований).

Тем не менее ограничения "внешней среды" для дальнейшего развития независимых центров являются основными (если не определяющими), и вероятность осуществления того или иного сценария зависит от преобладающих тенденций трансформации политической системы России. Иными словами, перспективы развития независимой российской политической экспертизы зависят от судьбы демократии в стране.